

РАЗМЫШЛЯЯ НАД ПРОЧИТАННЫМ

Немецкие и русские экономисты в диалоге. Научный обмен в исторической перспективе / Отв. ред. Х. Ритер, Л. Д. Широкоград, И. Цвайнерт. Марбург: Изд-во «Метрополис», 2005. 368 с.

(Heinz Rieter, Leonid D. Širokorad, Joachim Zweynert (Hg.). Deutsche und russische Oekonomen im Dialog. Wissenstransfer in historischer Perspektive. Marburg: Metropolis Verlag, 2005. 368 S.)

Профессора Б. Придатт и Х. Ритер (B. Pridatt и H. Rieter) издают в Германии серию книг «Beitraege zur Geschichte der deutschsprachigen Oekonomie». Издано более 20 томов. Примечательно, что три последних тома посвящены исследованию взаимных связей между российской и немецкой экономическими науками¹. В данной статье мы познакомим читателей с 21-м томом. Его тематика была определена исследовательским проектом Института экономических систем, истории экономики и теории Гамбургского университета, занимающегося немецко-российскими научными связями XIX–XX вв. Обращает на себя внимание интернациональный состав авторов: свои труды представили ученые из России, Германии, Великобритании и Японии, специализирующиеся по данной тематике. В целом представленные научные исследования охватывают продолжительный исторический период от петровских времен «распространения западной учености» (Л. Д. Широкоград) до трагичного для отечественной экономической науки времени сворачивания свободных научных исследований и обменов мнениями в 30-е годы XX столетия (С. М. Виноградов).

Сборник открывается статьей *Л. Д. Широкограда* «Немецкое влияние на российскую экономическую науку в контексте политики образования в XVIII и начале XIX столетий», в которой обстоятельно исследуется развитие российской экономической науки в указанный период². Среди многочисленных внешних и внутренних факторов, воздействовавших на данный процесс, выделяется такой часто недооцениваемый фактор, как влияние более продвинутой экономической науки других стран. В силу целого ряда исторических и культурных «рамочных условий» абсолютным лидером западного воздействия на Россию в указанное время явилась Германия. Материал статьи распределен по историческим периодам реформирования российской системы науки и образования с акцентом на эпохи Петра I, Екатерины II, Александра I и Николая I.

Распространение «германской учёности» начинается с петровских времен секуляризации отечественной науки, основания Российской Академии наук и Академического университета, для работы в которых на первых порах приглашались иностранные (главным образом немецкие) ученые. Последующие волны западного влияния на российскую науку были связаны с первым периодом правления Екатерины II и реформами Александра I. При Екатерине II германские университеты, будучи «очагами не одной немецкой, но мировой науки и литературы», стали важными каналами проникновения в Россию идей

английского либерализма и французского Просвещения. Немецкое влияние было весьма весомым и в процессе обсуждения перспектив экономического развития России. Достаточно сказать, что в конкурсе Вольного экономического общества на лучшее сочинение по вопросу «Что полезнее для общества, — чтобы крестьянин имел в собственности землю или только движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простирались должны?» было получено 162 ответа, из них 120 — немецких.

Материалы проведенного Л. Д. Широкоградом исследования свидетельствуют об огромном влиянии немецкой науки на российскую экономическую мысль. Интенсивная практика научных обменов с германскими университетами в благоприятные для взаимоотношений науки и Российского государства времена ускоряла процесс формирования российской экономической науки, явившись, по мнению автора, одной из важных предпосылок перехода уже к концу XIX в. на траекторию самостоятельного развития с одновременной все более глубокой интеграцией в европейскую экономическую науку. Этот процесс постоянно прерывался, наталкиваясь на серьезные трудности, поскольку многие идеи западных экономистов часто представлялись российским властям политически опасными.

В статье *Н. Н. Михайловой* «Влияние немецкого камерализма на разработку проблемы экономической роли государства в русской экономической науке XIX — начала XX в.» на основе анализа трудов российских и немецких ученых, сопоставления их ключевых идей и концепций выделен и описан ряд важнейших проблем, которые исследовались российскими экономистами, развивавшими идеи немецкой камеральной школы. В статье обосновывается, что влияние немецкого камерализма прямо или косвенно продолжалось на протяжении всего периода существования русской политико-экономической школы (XIX — начало XX в.). Наиболее сильным было влияние немецкой камералистики при определении самого понятия государства, целей его существования, при выделении и анализе функций государства в различных сферах общественной жизни. основополагающие идеи немецкого камерализма оказали косвенное влияние на анализ социальной политики государства российскими учеными второй половины XIX — начала XX в. Под влиянием этих идей русскими экономистами был создан ряд оригинальных теорий, позволяющих более эффективно и всесторонне оценивать экономическую деятельность государственной власти (теория «внутренних благ» А. К. Шторха, теория «общественного производства» Э. Р. Вредена).

В статье *А. Л. Дмитриева* «Идеи и труды А.К. Шторха в России» рассматриваются вклад А. К. Шторха — первого среди российских экономистов академика Петербургской АН — в экономическую науку и его оценка отечественными учеными. Перу Шторха принадлежат многочисленные произведения в области политической экономии, экономической истории и статистики. Он по праву считается одним из первых немецких представителей классической политической экономии. Из известного шеститомного «*Cours d'économie politique...*» («Курса политической экономии...») Шторха, который, по мнению Мак-Куллоха, являлся лучшим произведением по политической экономии на континенте, в России в 1881 г. на русском языке был издан только первый. Оригинальной особенностью его концепции являются включение в состав капитала ряда неимущественных факторов и акцент на полезности благ.

Как специалист по экономической истории, Шторх развивал гипотезу об исключительной роли торговли в экономической эволюции России. Автор статьи справедливо указывает на пока недостаточно исследованный российскими экономистами вклад Шторха в историко-статистическое изучение России. При этом он представил ряд его произведений по данной тематике, основным среди которых является объемный труд «*Historisch-*

Statistisches Gemälde des Russischen Reichs am Ende des achtzehnten Jahrhunderts» — самое полное, хотя и незаконченное историко-статистическое описание России конца XVIII в. Особое внимание автор уделяет восприятию работ Шторха как дореволюционными (Антонович, Бутовский, Степанов), так и советскими (Штейн, Блюмин, Пашков и др.) экономистами. В целом проявляя лояльность властям, выдающийся «русский немец» Шторх в «чисто русских экономических вопросах вроде язвы крепостничества или бумажно-денежной разрухи не отставал от гёттингенских реформаторов»³, внося значительный вклад в развитие экономической мысли.

Поскольку личность А. К. Шторха вызывала большой интерес в научных кругах и в кругах российской общественности, то по просьбе лидера «киевской школы» И. В. Вернадского — основного популяризатора и издателя трудов Шторха, сын А. К. Шторха — Н. А. Шторх к русскому изданию первого тома «Курса...» написал подробный «Биографический очерк ученой и служебной деятельности Андрея Карловича Шторха», текст которого включен в состав данного сборника.

В статье *М. Г. Покидченко* «Иван К. Бабст — выдающийся представитель исторической школы в России» отмечается, что Бабст был одним из первых русских экономистов, тщательно изучившим труды таких тогда еще мало известных немецких ученых, как Лист, Рошер, Гильдебранд и Книс. В 1856 г. он публикует в журнале «Русский Вестник» объемное эссе «Исторический метод в политической экономии», в котором намечает новые пути развития российской экономической науки. В частности, опираясь на работы представителей немецкой старой исторической школы, он изучает вопрос о том, как изменяется действие общих экономических законов в различных условиях места и времени. При этом он, как и его немецкие учителя и коллеги, был далек от недооценки роли самих этих законов в обеспечении нормального функционирования экономики. У экономистов старой исторической школы аналитическая составляющая исследований занимала еще значительное место, что подтверждает известное высказывание Вильбрандта о том, что в работах Рошера речь идет «об историческом соусе к классическому блюду». В целом Бабста, безусловно, следует признать первым российским экономистом, который воспринял новаторские для своего времени идеи старой исторической школы и в течение двух десятилетий развивал и пропагандировал их.

Автор статьи «Влияние немецкой исторической школы на разработку русскими экономистами второй половины XIX века вопроса о формах промышленности в России» *И. Н. Жилинкова* обращает внимание на широкое использование учения представителей немецкой исторической школы в ходе обсуждения в русской литературе различных вариантов стратегии экономического развития России, предлагаемых реформ и методов экономической политики. Особенно живой интерес вызывали в России немецкие исследования эволюции экономических институтов и их воздействия на изменение форм хозяйствования.

Проведенные в середине XIX в. исследования крестьянских бюджетов обнаружили наличие в России «мощного экономического потенциала» крестьянства, занимающегося мелкотоварным промышленным производством в зимнее и свободное от основных сельскохозяйственных работ время. Для активизации этого потенциала требовались определенные законодательные реформы, в связи с чем был разработан проект Единого устава промышленности, который должен был заменить старые Заводской и Ремесленный уставы. При подготовке этого проекта были использованы труды немецких экономистов по истории фабричного и ремесленного законодательства в Западной Европе. По своей экономической и политической значимости, считает автор статьи, проект Единого устава

стоит в одном ряду с Манифестом об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Его принятие, безусловно, изменило бы социальную и экономическую жизнь страны в целом, так как в нем декларировались одинаковые стартовые условия подключения к предпринимательской деятельности для всех сословий, в том числе и бывших крепостных крестьян. К сожалению, несмотря на широкое обсуждение данного проекта, в конечном счете он так и не был принят.

В статье одного из ведущих современных западных специалистов по истории русской экономической мысли *В. Л. Барнетта* (*V. L. Barnett*) (Великобритания) «Д. И. Менделеев, российский протекционизм и немецкая политическая экономия» прослеживается влияние немецкой политической экономии и немецкого опыта хозяйствования на Д. И. Менделеева как экономиста, разработчика таможенного тарифа 1891 г. и «страстного ревниителя протекционизма»⁴.

Автор представляет много интересных биографических фактов, свидетельствующих о тесных научных связях Д. И. Менделеева с Германией. Убедительно показан постоянный интерес Д. И. Менделеева к немецкой экономике, его знакомство с немецкой политической экономией (упоминания о Ф. Листе, И. фон Тюнене в его работах). По мысли автора, Д. И. Менделеев в тарифе 1891 г. наиболее последовательно воплотил общий подход Листа к развитию национальной экономики, а в отстаивании принципов протекционизма даже превзошел его. В ходе тарифной войны между Россией и Германией, по иронии судьбы, немцы смогли оценить и оборотную сторону протекционизма.

В конце лаконичной и искусно построенной статьи автор ставит закономерный вопрос: «...защищал бы Менделеев протекционизм до такой степени ... без поддержки интеллектуальной традиции немецкой политической экономии?» (р. 182). Вывод становится очевидным, когда в следующем абзаце «более важным для мировоззрения Менделеева» В. Барнетт признает саму экономическую ситуацию в Германии и России, что и обеспечило «сродство» (*affinity*) взглядов Менделеева с идеями немецких протекционистов (р. 182). Практические советы и конечные выводы опираются у Д. И. Менделеева на изучение действительности, а не на «голую теорию». Доктрина фритредеров, которая казалась логичной, рациональной и красивой, по мысли Д. И. Менделеева, как флогистон, не выдерживала проверки фактами (р. 178). Отвержение фритредерства заставило его обратиться к защитникам протекционизма – Листу, Мордвинову, Кэри.

Основной акцент в статье сделан на тарифной политике, тогда как Д. И. Менделеев понимал протекционизм шире. По его мнению, протекционизм необходим для земледельческих стран с незрелой промышленностью. В «Заветных мыслях» 1903 г. Д. И. Менделеев подчеркивал, что покровительство не ограничивается таможенными пошлинами и не сводится к ним, а включает развитие конкуренции на внутреннем рынке, расширение приложения труда и распространение просвещения.⁵ В этот период особое внимание Д. И. Менделеева привлекают быстрые успехи протекционизма в США, чей опыт, по мысли ученого, станет наиболее важным «для развития всей цивилизации».

Поднимая тему интеллектуального влияния немецкой мысли в России, невозможно обойти вниманием личность Макса Вебера. Восприятию его работ в России посвящена статья *С. Кодзима* (*S. Kojima*) (Япония). Автор предлагает хронологически выделять «четыре волны», характеризующие динамику этого влияния: начало века (Дм. Петрушевский, Б. Кистяковский, С. Н. Булгаков), 20-е годы (А. И. Неусыхин), 70-е годы (М. И. Левина), Ренессанс конца XX в. (Ю. Давыдов). На русский язык Вебера переводили быстрее, чем на многие другие европейские языки. Однако работы, посвященные русской революции, биржам, не имели практически никакого отклика. Автор объясняет это

запретом, цензурой начала XX в., но вряд ли этим можно объяснить интеллектуальную атмосферу тех дней, поскольку большинство образованных людей того времени могли обратиться к оригиналу.

Наряду с любопытными подробностями о публикациях работ Вебера наибольший интерес для раскрытия избранной темы представляет разбор сочинений С. Булгакова и Ю. Давыдова. Обоим вдохновляла «Протестантская этика и дух капитализма», обоим беспокоила судьба капитализма в России соответственно в начале и конце XX в., оба пришли к идеям Вебера, видя в них альтернативу теории Маркса. Знание Вебера помогло Булгакову развить собственные идеи о хозяйстве как феномене духовной жизни, поставить вопрос о «религиозно-этических основаниях психологии русской промышленности» и об «особенно близкой связи русского капитализма со старообрядчеством»⁶.

Тематика статьи С. Кодзима охватывает не только проблему «Макс Вебер в России», но и такую параллельную тему, как «Россия для Вебера». Это прежде всего русская революция, русская литература и философия в лице Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и Вл. Соловьева, личное общение Вебера со студентами и учеными из России.

В статье собран богатейший источниковедческий и биографический материал. Однако создается впечатление, что Вебера переводили, вдохновлялись им и исследовали лишь некоторые ученые. В статье С. Кодзима не вырисовывается общая картина места Вебера в интеллектуальной и академической среде России конца XX в. В «исторической драме русской мысли XX в.», о которой пишет автор, остаются недостаточно раскрытыми причины популярности и притягательности немецкого мыслителя.

В статье *С. М. Виноградова* «И. М. Кулишер и немецкая историко-экономическая мысль» рассматриваются основные этапы становления ученого и его вклад в мировую экономическую науку. По мнению автора статьи, И. Кулишер является одним из основоположников науки экономической истории в России.

Именно И. Кулишеру в немалой степени принадлежит заслуга создания конкурентоспособной на мировом уровне отечественной экономической истории, разработка на основе последних достижений западной науки новых методов историко-экономического исследования, а также концептуальное оформление огромного накопленного статистического материала в таких научных бестселлерах, как «История экономического быта Западной Европы» («Allgemeine Wirtschaftsgeschichte des Mittelalters und der Neuzeit») и «История русского народного хозяйства» («Russische Wirtschaftsgeschichte»).

Можно сказать, что творчество И. М. Кулишера является прекрасным примером того, сколь важно широкое использование достижений зарубежных исследователей для успешного развития отечественной науки, а также сколь велика роль немецкой исторической мысли для становления и развития отечественной экономической истории.

Кулишер имел прекрасное образование и располагал феноменальной научной эрудицией. Окончив Санкт-Петербургский университет, он много учился за границей, в частности слушал курсы Г. Шмоллера в Берлине и И. Конрада в Галле, консультировался у ведущих ученых Европы, главным образом у представителей новой исторической школы. Предприняв оригинальную попытку преодоления «большой антиномии», М. И. Кулишер органично вписался в ряд таких неисторических экономистов своего времени, как М. Вебер, В. Зомбарт, А. Шпитхоф и Е. Залим. В соответствии с немецкой академической традицией Кулишер не увлекался марксизмом, отдавал предпочтение эволюционному методу, дополняя его новым социальным подходом, характерным для «эпохи союзов». Поскольку Кулишер не противопоставлял аналитического и исторического методов, ему значительно лучше многих других удалось справиться с решением задачи создания обобщенной истории

западного хозяйства. Используя изложение как инструмент научного анализа (М. Блок), Кулишер совмещал исключительную ясность текста с огромным объемом информации. Продолжая напряженно работать даже в сложные уже для советской науки времена, он оставил нам огромное научное наследие, которое, будем надеяться, заслуженно дожидется своих многочисленных российских и немецких исследователей.

В статье *Ульфа Бекмана* (Ulf Beckmann, Германия) «Влияние Михаила Туган-Барановского на немецкие исследования конъюнктуры в первой трети XX столетия» отмечается, что основной работой М. И. Туган-Барановского по теории конъюнктуры для немецкоязычной аудитории явилась монография «Теория и история торговых кризисов в Англии», переведенная автором на немецкий язык в 1901 г. До конца XIX столетия эта теория являлась в Германии «скрытым бытием» (*Schattendasein*). Усиление внимания к теории конъюнктуры начиная с этого времени, с одной стороны, объяснялось экономическими трудностями на переломе столетий, с другой — было связано с впечатляющим вкладом Туган-Барановского, Зомбарта и Шпитхофа в разработку данной проблематики. Произведение Туган-Барановского имело в немецком языковом пространстве исключительно большой резонанс, особенно после гамбургского заседания Союза социальной политики 1903 г., впервые поставившего во главу угла кризисную тематику, что обозначило поворот к аналитическому направлению социально-экономических исследований Союза. «Никто из желающих изучать теорию кризисов не должен пропустить эту книгу», — писал о работе «Теория и история торговых кризисов в Англии» К. Каутский (1902, 1937) — один из самых острых критиков Туган-Барановского. Этому совету, безусловно, следовали многие экономисты, пишущие на немецком языке.

До появления книги М. И. Туган-Барановского исследователи, работавшие в немецком языковом пространстве, рассматривали в качестве причин кризисов недостаточное потребление, снижающуюся норму прибыли, проблемные аспекты в денежном секторе, в производстве золота, в спекуляциях или внешних факторах. После аналитического импульса, привнесенного этой работой в немецкоязычные дебаты по вопросам экономической конъюнктуры, в период между двумя мировыми войнами наряду с монетарными разработками стали доминировать самостоятельные структурные концепции. Вклад Туган-Барановского в теорию кризисов в этом смысле, по мнению автора статьи, явился пионерным достижением экономической науки.

В статье *И. П. Гуровой* «Немецкая экономическая литература в России (конец XVIII в., 1930-е годы)» отмечается, что западное воздействие на российскую экономическую науку осуществлялось в исследуемый период по самым различным каналам, наиболее результативным среди которых являлся перевод работ ведущих экономистов на русский язык. При этом доля переводов работ немецких авторов в исследуемый период была особенно значительна, составляя в различные годы от четверти до более чем половины всех переводных работ. Туган-Барановский писал, что при бедности оригинальной литературы переводы иностранных авторов всегда имели у нас особое значение. Автор проведенного исследования опирается на библиографию переводов на русский язык историко-экономических, экономических, статистических и экономико-правовых работ иностранных авторов, составленную Ю. Латовым, дополнив его переводами работ К. Маркса. Поскольку, свидетельствует эта библиография, пики переводов приходились на периоды реформ, автор поддерживает мнение, что основной целью переводов являлись поиски решения острых социально-экономических проблем России. Среди переводимых немецких авторов лидируют представители исторической школы, воспринимавшейся в российской академической среде в качестве альтернативы марксизму.

Последней публикацией сборника является совместная библиография немецкоязычных монографий по экономике, переведенных на русский язык, составленная *Ю. В. Латовым* и *Д. Риникером* (Германия), объемом более пятидесяти страниц. В ней содержится информация о более чем 450 источниках. Библиография включает монографии немецких и австрийских авторов, начиная с 1750 г. и заканчивая 1990 г., и является самым обстоятельным и квалифицированным исследованием такого рода из всех существующих на сегодняшний день.

Представленные в сборнике материалы свидетельствуют о длительной и плодотворной, а временами весьма непростой истории российско-немецких научных контактов в экономической науке на протяжении XVIII–XX вв. Первоначально российская экономическая мысль развивалась под значительным влиянием более продвинутой немецкой экономической науки. Затем, по мере того как российская экономическая наука становилась все более зрелой, она начала оказывать обратное влияние на западную науку (Туган-Барановский, Кулишер). Настоящий сборник свидетельствует об интенсивности академических и интеллектуальных связей России и Германии, без исследования которых невозможно получить целостное и всестороннее представление о развитии отечественной экономической мысли.

¹ Band 19. *Zweynert J., Riniker D.* Werner Sombart in Russland. Ein vergessenes Kapitel seiner Lebens und Wirkungsgeschichte. Marburg: Metropolis Verlag, 2005; Band 20. *Janssen H.* Russische Oekonomen in Deutschland (1910–1933). Marburg: Metropolis Verlag, 2005; Band 21. *Deutsche und russische Ökonomen im Dialog. Wissenstransfer in historischer Perspektive* / H. Rieter, L. D. Širokorad, J. Zweynert (Hg.). Marburg: Metropolis Verlag, 2005.

² Автором использовано более 80 документальных, научных и литературных источников.

³ Проф. В. М. Штейн. Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX–XX веков. Л., 1948. С. 27. (Цит. по: *Deutsche und russische Ökonomen im Dialog*. S. 90).

⁴ Об актуальности сопоставления теории национальной экономики Листа и Менделеева свидетельствует выход под одной обложкой сочинений этих авторов: *Лист Ф.* Национальная система политической экономики. *Vitte С. Ю.* По поводу национализма. Национальная экономика и Фридрих Лист; *Менделеев Д. И.* Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года. М., 2005.

⁵ *Менделеев Д. И.* Заветные мысли. М., 1995. С. 99–100.

⁶ *Булгаков С. Н.* Народное хозяйство и религиозная личность // Соч.: В 2 т. Т. 2. Избранные статьи. М., 1993. С. 343–367.

Л. А. Крамниц, канд. экон. наук, доцент факультета менеджмента СПбГУ;

Д. Е. Расков, канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории СПбГУ

Статья поступила в редакцию 2 ноября 2006 г.